

СИСТЕМА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В РОССИИ В ПЕРИОД РЕГЕНТСТВА АННЫ ЛЕОПОЛЬДОВНЫ

В статье рассмотрены основные тенденции в проведении реформ Анной Леопольдовной в качестве регента при сыне — императоре Иване VI Антоновиче — в отношении системы высших и центральных органов власти в России. Автором отмечена главная особенность регентства Анны Леопольдовны — мелочный, регламентационный характер указов и распоряжений, причиной чего являлось отсутствие знаний и опыта управления огромной империей.

Ключевые слова: государственное управление, кабинет министров, коллегии, регент, рабочий майстер, Сенат.

Анна Иоанновна скончалась 17 октября 1740 г., оставив престол сыну своей племянницы Анны Леопольдовны и Брауншвейгского принца Антона — Ивану Антоновичу, которому было всего два месяца от роду (родился 12 августа 1740 г.). Воля покойной Анны Иоанновны была исполнена: двухмесячный младенец Иван VI Антонович был объявлен новым императором России, а герцог Бирон — регентом, а фактически правителем с самодержавными полномочиями до совершеннолетия царя.

Бирон был любимцем Анны Иоанновны, но со смертью императрицы для него наступили тяжёлые времена. Бирон, зная о недоброжелательном отношении к себе русского народа, начал своё правление с милостей. Он отменил несколько смертных приговоров («О прощении некоторых винъ преступникамъ...» [1]), снизил подушный налог, в частности, в указе от 11 ноября 1740 г. отмечалась «... Наше милосердие, въ доимкахъ, объ отпущении винъ, штрафовъ и наказания впадшимъ въ разныя погрешения, такожъ въ убавке на нынешний 740 годъ подушныхъ денегъ...» [2], смягчил судебные кары. Так, например, определены приоритеты в приобретении имений родственников, которые подлежали конфискации: «Сколь скоро у кого недвижимое имение..., будут конфискованы или за иски отписаны, то того жъ времени у техъ прежнихъ владельцевъ братъ сказки, есть ли кто у нихъ ближние родственники, и где они обретаются, и кого они родственниковъ объявлять, техъ... призвавъ, спросить, желаютъ ли они выкупить те отписныя или конфискованныя имении...» [3].

Положение высших и центральных органов власти в правление Бирона практически не изменилось, что было подтверждено указом «О поступлении, при управлении Государственныхъ дель, по Регламентамъ и Уставамъ...», в котором указывалось следующее: «... дабы правосудие во всей Нашей Империи везде нелицемерно и истинно содержано и отправлено было... того ради злагоразсудили, все те прежние указы ныне вновь наикрепчайшее подтвердить» [4].

Что касается кабинета министров, то при воцарении Ивана Антоновича он продолжал функционировать, будучи созданным еще Анной Иоанновной, и состоял из трех человек. В кабинет входили граф Андрей Иванович Остерман, князь Алексей Михайлович Черкасский, Алексей Петрович Бестужев-Рюмин. И, конечно же, по нашему мнению, кабинет Ивана Антоновича имел меньшее влияние на государственное управление в период регентства Бирона, нежели при Анне Иоанновне или же в период регентства Анны Леопольдовны.

Э.-И. Бирон был регентом с 17 октября 1740 г. по 8 ноября 1740 г. Не совсем понятное многим назначение регентом постороннего в царской семье человека обещало между Бироном и родителями императора борьбу за власть. Симпатии большинства были на стороне родителей Ивана VI. В гвардии также назревал бунт против Бирона. Миних воспользовался услугами гвардии и без труда осуществил заговор. В ночь на 8 ноября 1740 года Бирон был арестован и заточён в Шлиссельбургскую крепость. Затем он со своей семьёй был сослан в Тобольскую губернию.

После падения Бирона правительницей России объявили Анну Леопольдовну. Правление Анны Леопольдовны, сначала сочувственно принятое народом и высшим обществом, вскоре стало вызывать осуждение. Ключевые посты в управлении государством оставалось в руках немцев, которые пришли к власти ещё в правление Анны Иоанновны. Анна Леопольдовна мало занималась да и интересовалась государственными делами, поэтому основная управленческая нагрузка легла на кабинет министров во главе с Б. Х. Минихом. Состав кабинета подвергся изменению, он, можно сказать, достиг окончательного своего развития: Бестужев-Рюмин был арестован, и образовался новый состав кабинета, членами которого стали граф Миних, занявший как победитель первое место — ему был пожалован чин первого министра; граф Остерман, князь Черкасский и граф Головкин.

Для уменьшения волокиты при Анне Леопольдовне была учреждена должность рабочего майстера

12 ноября 1740 г.: «... Андрею Фенину... указали быть при Дворе Нашемъ... Рекетмейстеромъ въ рангѣ армейскаго Полковника,... и для того Всемилостивейше повелеваемъ тебе:

1. Все подаваемыя Намъ челобитныя,... разматривая, представлять Намъ токмо те, которыя до собственной Нашей резолюции касаются; а прочия... отсылать для решения въ Сенатъ...

2. ...челобитныя разматривать по примеру должности Генерала Рекетмейстера... безъ всякихъ задержания, дабы челобитчики долго не волочились...» [5]. Рекетмейстеру указывалось подавать жалобы на коллегии, канцелярии и Сенат в случае волокиты при решении дел с их стороны. «...Челобитчикахъ... дабы дела ихъ... неотменно решены были въ определенные указами и регламентами сроки, опасаясь неизбежного тяжкаго предъ нами ответа; напротиву жъ того и челобитчикъ кои прошения Намъ подавать о настоящемъ и справедливомъ деле и съ обстоятельнымъ о сврьемъ въ какой Коллегии или Канцелярии неудовольствии показаниемъ, под опасениемъ такого жъ штрафа: ибо безсомненно и челобитчики есть суть безсвестные, которые Насъ безрезонно утруждать могутъ, къ подаче жъ таковых Намъ челобитенъ для безлишняго затруднения определять въ каждой неделе день субботний» [6].

Дабы и в дальнейшем избежать волокиты и не утруждать себя в отправлении государственныхъ дел Анна Леопольдовна утвердила дополнительно указ: «О подавании челобитенъ въ учрежденныхъ местахъ и о чинении по онымъ решений безъ всякой волокиты» (указе подчеркивалось: «...Насъ не утруждать...») [7].

Для дальнейшей систематизации поданных в государственные структуры челобитныхъ Анна Леопольдовна дает следующие распоряжения Сенату: создать при Сенате особую Комиссию, «чтобъ... все... старыя нерешенные дела всеконечно разсмотрены решены были въ немедленномъ времени; а которыя дела за прошествиемъ времени никакому решению уже не подлежать, или генеральными указами решились, те все, разобравъ и учиняя имъ реестръ, отдать въ Архивъ, и впредь ихъ нерешенными не числить» [8], а также указывалось следующее: «Каковы всеподданнейшие рапорты отъ Сената подаются о решенныхъ и нерешенныхъ делаахъ, таковы же велеть подавать въ Сенатъ изо всехъ Коллегий и Канцелярий и Контроль; а въ Сенате, собирая оные, сочинять изъ нихъ генеральные рапорты, сколько въ Сенате и во всехъ оныхъ местахъ дель вступило и решено и нерешенныхъ осталось и подавать те рапорты по прежнему понедельно» [9].

В итоге Анна Леопольдовна указала Сенату подавать еженедельные рапорты о решенныхъ делах «... а Мы обстоятельнее того желаемъ ведать, съ какимъ успехомъ оныя дела къ решению приходять» [10].

Конечно же, благодаря уже упомянутымъ личнымъ качествамъ Анны Леопольдовны, въ период ее регентства кабинетъ серьезно изменился въ своёмъ положении, превратившись изъ органа подконтрольного въ фактическаго правителя империи, прикрытого именемъ императора и правительницы.

28 января 1741 года вышел именной указ кабинету, создавший новую форму верховной власти. Дела кабинета, впервые указывалось, необходимо было «... разматривать... по Департаментамъ: 1) «Первому Министру... Миниху, что касается до всей Нашей сухопутной полевой армии, Ландмилиции и гарнизоновъ, въ рекрутовании людьми и лошадьми, въ снабжении

ружьемъ, мундирамъ и амуницио и въ содержании потребныхъ для довольствия оной провиантскихъ магазиновъ... (т.е. военными делами), рапортую обо всемъ томъ» Антону Ульриху. «2) Генерал-адмиралу Графу Остерману, все то, что надлежить до иностранныхъ дель... такожъ о добромъ содержании Адмиралтейства и флота... 3) Великому Канцлеру Князю Черкасскому и Вице-Канцлеру Графу Головкину, все то, что касается до внутреннихъ дель по Сенату и Синоду, и о Государственныхъ по Камеръ-Колегии сборахъ и другихъ доходахъ, о Коммерціи, о Юстиции и о прочемъ къ тому принадлежащемъ...». Уполномоченные главы «департаментовъ» имели теперь право самостоятельно рассматривать дела, относящиеся къ ихъ компетенции, а затем предоставлять проекты решений по нимъ «прочимъ Министрамъ кабинета за своей подписью. Этот же указ предполагал назначение «известныхъ дней» для «общаго разсуждения» министровъ [11].

Вспомогательное значение въ период регентства Анны Леопольдовны имели двенадцать отраслевыхъ коллегий, у каждой изъ которыхъ былъ президентъ и два вице-президента, а также Сенат изъ девяти человекъ. Сенатъ, будучи высшимъ центральнымъ органомъ империи, темъ не мене въ деле государственного управления, какъ и вообще въ процессе издания законовъ, игралъ роль второстепенную, подчиняясь въ своихъ действияхъ кабинету министровъ.

Подводя итоги, отметимъ, что указы, изданные въ период регентства Анны Леопольдовны въ Полномъ собрании законовъ Российской империи, имеютъ тенденцию приобретать все боле регламентационный характеръ съ каждымъ последующимъ месяцемъ ее правления, появляется все боле распоряжений частного характера.

Регентство Анны Леопольдовны продолжалось до окончания царствования Иоанна Антоновича (25 ноября 1741 г.). Анна Леопольдовна, какъ и ея мужъ, не имели элементарныхъ понятий по управлению государствомъ. Къ тому же Анна Леопольдовна была чужда русской культуре, глуха къ заботамъ и страданиямъ россиянъ. Недовольные немецкимъ заильемъ группировались вокругъ царевны Елизаветы Петровны. Народъ и гвардия видели въ ней освободительницу России отъ иноземного управления. Зрелъ заговоръ противъ правительницы Анны Леопольдовны и ея младенца — императора Ивана VI.

Библиографический список

1. О прощении некоторыхъ винъ преступникамъ и взысканий съ подсудимыхъ // ПСЗ-1. — Т. 11. — № 8263.
2. О разсмотрении Сенату ведомостей о доимкахъ и о подаче оныхъ для утверждения въ Кабинетъ // ПСЗ-1. — Т. 11. — № 8285.
3. О правилахъ оценки и продажи конфискованныхъ и за иски отписанныхъ имений // ПСЗ-1. — Т. 11. — № 8822.
4. О поступлении, при управлении Государственныхъ дель, по Регламентамъ и Уставамъ // ПСЗ-1. — Т. 11. — № 8286.
5. Объ установлении при Высочайшемъ Дворе особаго Рекетмейстера // ПСЗ-1. — Т. 11. — № 8288.
6. О подавании жалобъ Придворному Рекетмейстеру на Коллегии, Канцелярии и Сенатъ о нескоромъ решении дель // ПСЗ-1. — Т. 11. — № 8293.
7. О подавании челобитенъ въ учрежденныхъ местахъ и о чинении по онымъ решений безъ всякой волокиты // ПСЗ-1. — Т. 11. — № 8289.
8. Объ учреждении при Сенате особливой Комиссии для решения неоконченныхъ дель // ПСЗ-1. — Т. 11. — № 8294.
9. О доставлении изъ всехъ Коллегий, Канцелярий и Кон-

торъ въ Сенатъ ведомостей о решенныхъ и нерешенныхъ делахъ // ПСЗ – 1. – Т. 11. – № 8295.

10. О подавании еженедельныхъ рапортовъ изъ Сената о решенныхъ делахъ на Высочайшее усмотрение // ПСЗ – 1. – Т. 11. – № 8385.

11. О разделении вступающихъ въ Кабинетъ дель между Кабинетъ-Министрами, и о порядке производства онъх // ПСЗ – 1. – Т. 11. – № 8326.

УДК 93:026.07(09)

И. А. СИЛАЕВА

ООО «Научно-Производственное
предприятие "Сибгеокарта"»,
г. Нижневартовск

Н. Н. ОГЛОБЛИН О ПЕРВЫХ СИБИРСКИХ БИБЛИОТЕКАХ

Труды видного российского историка и архивиста Н. Н. Оглоблина благодаря изучению им громадного массива документов архива Сибирского приказа дают, в частности, широкое представление о книжных собраниях Тобольской епархии в XVII—первые годы XVIII столетий. Исследователь рассмотрел вопросы распространения богослужебной литературы в Сибири и историю появления там первых библиотек, в том числе у старообрядцев.

Ключевые слова: Н. Н. Оглоблин, Сибирь, книжность, Тобольская епархия, XVII столетие, библиотека, раскол.

Видный отечественный архивист и историк рубежа XIX – XX столетий Николай Николаевич Оглоблин в своих работах зачастую впервые рассмотрел вопросы формирования библиотек и распространения книг в Сибири XVII в. Однако до сих пор вклад ученого в изучение русской сибирской книжности того времени не являлся предметом специального исследования, хотя порой отмечалось, что в его работах, особенно в четырехтомном «Обозрении столбцов и книг Сибирского приказа (1592 – 1768 гг.)», в научный оборот введен обширный источниковый материал.

Одна из многочисленных статей Н. Н. Оглоблина была посвящена описи библиотеки архиепископа Тобольского и Сибирского Игнатия Римского-Корсакова [1].

При изучении этого книжного собрания ученый использовал «Описные книги» митрополичьей «домовой и келейной казны», составленные в августе 1700 г. монахом И. Булаковым, дьяками Сибирского приказа и Патриаршего разряда И. Чепелевым и В. Нестеровым.

Рассматривая библиотеку Игнатия, Н. Н. Оглоблин пришел к выводу, что книжность Сибири конца XVII века была неразрывно связана и с литературовой богослужебного характера (Минеи, Октоихи, Служебники, Прологи, Уставы и Евангелия имелись у митрополита во многих экземплярах), и представлена светскими памятниками, такими, например, как Алфавит, Лечебник, Маргарит.

Библиотека Игнатия Римского-Корсакова, по определению Н. Н. Оглоблина, включала и печатные книги, и рукописные. Среди последних имелись житийные повести, взятые митрополитом для переписки [1, с. 4]. Н. Н. Оглоблин обратил внимание и на формат книг. Так, историк упоминает о нали-

чии у Игнатия книг «в четверть», рукописей «в полдеть», «в полдеть» в переплете, книг «в тетрадях», книг печатных «в раме», книг печатных «в десь» в переплете, книг в переплете «в осьмушку».

Внимание известного ученого привлекли и челобитные, касающиеся библиотеки последнего тобольского митрополита XVII в. Так, согласно одной из них, вологжанин Иван Слободской передал Игнатию восемь певчих нотных книг (для их переписки), которые митрополит обещал впоследствии вернуть [1, с. 5].

По данным Н. Н. Оглоблина, 14 марта 1700 г. сибирский митрополит взял две книги — Хризомологион и Историю Скифийскую — у Алексея Коробовского, о чем известно по челобитной последнего. Исследователь привел подробные сведения о передаче А. Коробовским книг митрополиту и свидетельства очевидцев о том, что Игнatiем не были уплачены деньги за упомянутые книги (разыскать их А. Коробовскому не удалось) [2].

Н. Н. Оглоблиным рассматривались и ценовые расписи библиотеки Игнатия Римского-Корсакова. Указанные исследователем цены на книги были определены торговыми людьми книжного ряда Федором Харитоновым и Стефаном Филипповым [1, с. 7].

Прослеживая судьбу библиотеки Игнатия Римского-Корсакова, Н. Н. Оглоблин поясняет, что 10 сентября 1701 г. книги и прочие предметы быта передали в дом «поставленного» в Сибирь нового митрополита Димитрия, хотя уже через полгода, 8 февраля 1702 г., по причине перевода этого владыки в Ростов Великий часть имущества Игнатия перешла преемнику Димитрия, другая же часть предположительно была отписана в государеву казну. Как полагал Н. Н. Оглоблин, книги Игнатия Римского-Корсакова остались у митрополита Димитрия [1, с. 8].